

гают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, а это далеко не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших „марксистов“, и благодаря этому иногда возникала удивительная путаница“.

В другом месте Энгельс указывал на то, что для некоторых слово материалистический служит простой фразой, ярлычком, который приклеивают к разным вещам, и Энгельс подчеркивает: „Но наше понимание жизни есть главным образом введение в изучение, а не рычаг конструкции на манер гегелианства“.

С вульгарно-социологическими „конструкциями“ советскому литературоведению пришлось выдержать серьезную борьбу. Проявления вульгарного социологизма были весьма разнообразны. Здесь и механическое сведение искусства к экономическому фактору, когда пессимизм Лермонтова объяснялся падением хлебных цен. Здесь и целая переверزيанская методологическая концепция, объявлявшая творчество любого художника бессознательным эстетическим воплощением социальной психологии определенной классовой прослойки. Читатель помнит еще методологические изыскания переверзианцев, состоящие в том, чтобы определить, в каком персонаже Пушкина, Гоголя, Гончарова или Достоевского писатель изобразил себя самого, как носителя известного социально-психологического типа.

Переверзевщина, как меньшевистская концепция, ничего общего не имеющая с марксизмом, была преодолена сравнительно быстро. Труднее обстояло дело с вульгарным социологизмом в его более утонченном „марксообразном“ виде. Суть его заключалась в том, что общество рассматривалось как конгломерат статически сосуществующих классов, а каждый писатель только как выразитель идеологии класса. Но при этом становилось непонятным следующее: если Пушкин только выразитель дворянской идеологии, Гончаров — буржуазной, а Толстой — феодально-аристократической, то какое отношение могут иметь эти выразители эксплуататорских классов к нашей социалистической культуре, в чем значение великих писателей прошлого для советского времени. Вульгарная социология склонна была принимать мастерство художников прошлого, отвергая содержание их творчества. Форма и содержание оказывались механически разьединенными, и вульгарная социология неизбежной логикой вещей оказывалась заодно с формализмом.

Методологический порок вульгарного социологизма заключался совсем не в том, как думают иные, что исследователи применяли классовый анализ, а в том, что этот анализ они применяли непоследовательно, примитивно, односторонне. Порок вульгарно-социологической методологии заключался в том, что в ней игнорировался ленинский принцип анализа литературы с точки зрения характера русской революции, в том, что игнорировалось учение Ленина — Сталина о национальной культуре.

Разоблачение антиленинской сущности вульгарной социологии означало крупный шаг вперед в развитии советской литературной науки.

В последнее время развернулась серьезная критика эпигонов компаративистского метода, занимавшихся только выяснением вопроса о том, насколько сказались в творчестве того или иного классика западные влияния и традиции. Эта критика компаративистского метода представляет собой существенное звено в борьбе против раболепия перед буржуазной культурой Запада, перед всем иностранным. Вместо научно-бесплодного выискивания иноземных источников наше советское литературоведение в последние годы серьезное внимание уделяет важнейшему вопросу о мировом значении русской литературы. Известно, что вклад русского народа в общемировую литературу исключительно велик. Известно, что советская страна является сейчас в культурном отношении самой передовой страной мира. Только ученая креатура современной империалистической реакции за рубежом может позволить себе невеже-